

психологическое состояние современного российского социума, можно сказать, что оно пока не стало вполне адекватной основой еще только формирующегося гражданского общества. Сохраняющиеся в общественном сознании россиян многие элементы традиционно «подданнического» менталитета и тормозят во многом его становление.

В то же время беспрецедентная для России открытость внешнему миру, в условиях которой прошло последнее десятилетие, безусловно, не прошла бесследно. Она способствовала существенной либерализации сознания и культуры людей, утверждению в обществе (пусть во многих случаях пока только на вербальном уровне) новых ценностных установок. Да, эти установки часто противоречивы, содержат в себе, наряду с либеральными принципами, традиционные для России авторитаризм, утопизм, этатизм, правовой нигилизм, а потому не могут (пока) рассматриваться как достаточные духовные предпосылки становления гражданского общества.

Важнее, однако, другое: за прошедшее десятилетие в России сформировалось активное

меньшинство, последовательно руководствующееся принципами и ценностями демократии и гражданского общества и реализующее их в своем практическом поведении. Во многом именно благодаря активности этих людей и происходят не всегда заметные, но весьма значимые изменения в общественном сознании и поведении россиян.

1 См.: Петухов В. В. Политическое участие и гражданская самоорганизация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 8. С. 28, 27.

2 Лучшая жизнь сама не приходит // Труд. 11 января 2005.

3 «У нас – «зрительское» общество: можем смотреть и даже переживать за то, что происходит в политическом «театре», но не хотим участвовать», – отмечает Ю. А. Левада. – У нас нет массовых народных движений, организаций. У нас не организована «серedinка» общества, то, что называют гражданским обществом». // (Почему народ из двух зол выбирает... оба? Из интервью с Ю. А. Левадой // Аргументы и факты. 1998. № 40).

4 Ю. Левада: Ни революций, ни бунтов у нас не будет // Труд. 5 марта 1999 г.

«ИМПЛАНТИРОВАННАЯ» ДЕМОКРАТИЯ

В.В. Уфимцев

Уфимцев Виктор Владимирович

доктор социологических наук,
проректор Уральского института коммерции и
права по научной работе, профессор кафедры
политологии и социологии ИППК
при Уральском госуниверситете

В России «пробуксовывает» демократия. Почему? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо вернуться несколько назад, к истокам радикальных рыночных реформ в России. Тогда российскому обществу политической элитой был

навязан радикально-либеральный политический курс.

Утверждения о том, что либерально-демократическую модель выбрало якобы население, и что этот выбор носил добровольный характер, не подтверждаются социологическими исследованиями. Люди, в большинстве своем, желали жить при гуманном, демократическом социализме, «социализме с человеческим лицом». Косвенно это подтверждают и результаты Всесоюзного референдума о сохранении обновленного Союза советских социалистических республик в марте 1991 г.

Но это не возымело действия. С маниакальным упорством большевистскими методами политической элитой (как она сама себя называет) навязывалась доверчивому населению либерально-демократическая западная модель. При этом крушилась все и вся: история, весь опыт предшествующих поколений, социальные институты, все подвергалось жесткой обструкции.

В своих исследованиях Ю.А. Красин утверждает, что отечественная модель демократии носила имитационный характер. Более того, можно, на наш взгляд, дополнить следующее: либералы попытались западные нормативные установки, складывающиеся там столетиями, имплантировать в российскую действительность; в совершенно иную

социально-культурную среду. И этот эксперимент блестяще провалился. И не потому, что мы оказались хуже. Мы не хуже, мы не лучше, мы другие.

ПЕРЕФРАЗИРОВАВ Г. ПЛЕХАНОВА, можно утверждать: «Россия еще не смогла той муки, из которой можно было бы испечь пирог цивилизованного капитализма». Поэтому демократия в России не только имитационная, эта демократия «имплантированная». Причем она имплантирована в российскую социальную ткань без согласия на то большей части населения, без достижения консенсуса с подавляющей ее частью. А может ли работать «имплантированная» демократия? Она имплантирована (далее переходя на медицинские термины) без анестезии. В 1992 году, в пору либерализации, словно скальпелем подавляющую часть населения отсекли от достойной жизни ради торжества каких-то моделей, эфемерных постулатов, постулатов, которые доминировали не только в среде либерально настроенной интеллигенции, но и в политической науке. А доминировало именно линейное, векторное представление о магистральных тенденциях современного политического развития.

Согласно господствовавшей тогда точке зрения «третья волна» демократизации, к которой относили и СССР-Россию, воспринималась в виде линейного вектора – от распада авторитаризма к постепенному выстраиванию консолидированной демократии либерального типа, то есть, коротко говоря, страны, безусловно, должны прийти к торжеству либеральной демократии, кто раньше, кто позже. По С. Хантингтону «всеобщий процесс демократизации» включает в себя «слом недемократического режима, установление режима демократического, а затем – консолидацию демократической системы». «При этом, - пишет А.И. Мельвиль, - это «почти ни у кого не вызывало сомнений».

А вот здесь хочется возразить. Кое у кого сомнения были и весьма серьезные. В частности, у автора данных строк с конца 80-х годов и на протяжении 90-х годов имелись большие сомнения по этому поводу, о чем свидетельствуют многочисленные публикации преимущественно в региональной печати. Сомнения, как и у некоторых других региональных политологов. Но, действительно, это было меньшинство. Поскольку в центральной печати как раз доминировало линейно-векторное пресловутое представление. И это походило не столько на «своеобразную антикоммунистическую «перелицовку» Манифеста коммунистической партии», сколько напоминало своего рода своеобразную «лысенковщину». Как тут не вспомнить слова великого русского философа эмигранта Ивана Александровича Ильина: «Они не знали своего Отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией...».

Вот в чем состоит один из главных корней проблемы, проблемы неработающей в России

демократии. Проблема - в неправильном теоретико-методологическом обосновании выхода из авторитаризма.

Не отвергая полностью, в принципе, имевшуюся возможность построения в России либерально-демократической западной модели, можно констатировать следующее. На сегодняшний день окно возможностей закрылось для построения у нас в стране либерально-демократической модели. Время для реализации данного проекта упущено. Нет уже того законопослушного индивида, который имелся в начале горбачевской перестройки, и с помощью которого можно было бы осуществить либерально-демократический проект. Теперь мы уже имеем целое поколение, выросшее в социальном хаосе и к этому хаосу привыкшее. Данному поколению стихийным образом уже не привить морали раскрепощенного производителя в противовес морали раскрепощенного потребителя, навязываемой всеми электронными СМИ. В этом плане, в плане реализации демократических преобразований (той или иной модели), со времен перестройки, окно возможностей резко сузилось.

Существует расхожее мнение, что демократия – это особый тип социальной организации или система принятия решений. Согласно такому подходу, решение считается принятым демократически в той мере, в какой оно воплощает в себе артикулированные предпочтения большинства и является результатом процесса, в рамках которого были в равной степени задействованы, обнародованы, обсуждены, сопоставлены и учтены волеизъявления всех. Ясно, что России до этого далеко. Но не это является ядром, сущностью демократии. А что же?

Дж. Дьюи утверждал: «Демократия гораздо шире, чем особая политическая форма, или способ организации управления, создания законов и осуществления правительственных функций посредством народного голосования и выборных должностных лиц. Демократия, конечно, и это тоже. Но она есть нечто более широкое и глубокое... она... есть образ жизни, социальной и индивидуальной». Вот в чем заключается суть, ядро демократии.

Таким образом, демократию надо понимать шире, не просто как процедуру или форму правления, а как образ жизни. Причем образ жизни, по Дж. Дьюи, каждого отдельного человека, на наш взгляд, включая сюда и чиновника. Образ жизни, по Дж. Дьюи – это тот источник, откуда индивид черпает нравственные нормы своего поведения. Более того, демократия, по Дьюи, как образ жизни есть этическое понятие: «она насквозь пронизана моралью: в своих основах, своих методах, своих целях».

Мы же, в российских условиях, в угоду постулатам либерально-демократической модели, отбросили веками складывающиеся традиционные ценности (коллективизм, уважение к старшему поколению, патернализм и т.д.), и дали возможность

возродиться предрассудкам и пережиткам прошлого (шариатский суд, кровная месть, похищение и торговля людьми и т.д.). Традиционные ценности, региональные традиции, которые могли бы быть важными источниками модернизационных преобразований, были отброшены. От истинной демократии, от правового государства мы оказались едва ли не дальше, чем находились, будучи в начальном пункте преобразований.

Мы не успели возвести нормативно-ценностный каркас гражданского общества.

Более того, к середине 90-х годов демократия в России выродилась в олигархию плутократического типа. Опять меньшинство стало навязывать свой политический курс, своих ставленников (чиновников и депутатов) обществу. Это меньшинство представляло и до сих пор во многом представляет узкие, хорошо спаянные, хотя и не без внутренних противоречий, социальные группы, представляющие собой устойчивую связь коммерчески-криминальных структур с коррумпированной частью бюрократии. Это меньшинство давно уже «оседлало» демократические процедуры и использует их в свою пользу, и просто надсмехается над потугами населения к лучшему. И с этим надо было что-то делать.

Ныне утверждают, что наступил авторитарный «откат». На наш взгляд, это не только и не просто авторитарный «откат». Прежде всего – это поиск адекватных путей, поиск путей, соответствующих нынешним, новым реалиям, в которых находится Россия.

То, что власть делает в настоящий момент (так называемый авторитарный «откат») – это не

что иное, как попытка ответить на требование социальной системы о введении ее в равновесие. Поэтому и повышается уровень властного воздействия (выстраивание вертикали власти). Вот он – коридор возможностей, хотя этот коридор имеет три аспекта, три составляющих. Но... здесь возникает одно но. Повышение уровня властного воздействия на социальную систему без предварительной серьезной административной реформы сопряжено с ростом коррупции и самоуправства, так как неотфильтрованное чиновничество будет стремиться к выборному применению властной вертикали.

Второй аспект, вторая составляющая коридора возможностей – это повышение качества субъекта управления, обновление политической и административно-управленческой элиты. Чего можно достичь с помощью вложения соответствующих инвестиций в систему управления.

И, наконец, третий аспект, третья составляющая коридора возможностей – через повышение качества объекта управления, которое достигается путем просвещения населения, совершенствования системы воспитания и образования, через создание условий для повышения его общей и политической культуры.

Вот они – три аспекта, три составляющих коридора возможностей, которые в настоящее время актуальны для нашего общества. Вопрос заключается только в том, кто в состоянии все это реализовывать.